

УДК-323

DOI: 10.17072/2218-1067-2019-3-54-67

ПРОНАТАЛИСТСКИЙ ПОВОРОТ В КИТАЕ: ВОЗВРАТ К ТРАДИЦИОННЫМ СЕМЕЙНЫМ ЦЕННОСТЯМ ИЛИ НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

Ольга Сивинцева

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация

Представлены основные тенденции развития прошлой и настоящей репродуктивной политики в Китае с точки зрения трех подходов – государствоцентризма, традиционализма и индивидуализма (либерализма). Автором оцениваются политические идеи, применяемые китайской политической элитой при формировании нового пронаталистского курса, а также социально-экономические, исторические и традиционные факторы, оказывающие воздействие на репродуктивный выбор китайской семьи. В результате констатируется, что в Китае на протяжении практически четырех десятилетий доминирует государствоцентристский подход, который в условиях нового курса либерализации рождаемости приобретает традиционалистское наполнение. Реализуя стратегию государствоцентризма, политическая элита Китая снимает ограничения на рождение второго ребенка и «точно» использует меры стимулирующего характера в отдельных территориях; эти действия сопровождаются усиленной государственной пропагандой и риторикой традиционных семейных ценностей. Воплощение в жизнь ожиданий китайского руководства осложняется неблагоприятными социально-экономическим институциональным контекстом и устойчивыми историческими паттернами однодетной семьи. Вероятно, в перспективе усилия китайской элиты, прежде всего местной, будут направлены на смягчение институциональных условий для рождения и воспитания детей в Китае.

Ключевые слова: репродуктивная политика; пронатализм; государствоцентризм; традиционализм; модель нукlearной семьи; институциональные условия; исторические паттерны.

В современных условиях Китай представляет собой уникальный пример государства, в котором органично переплетаются традиционные ценности конфуцианства и европейские по своему происхождению политические идеи. Именно идеи марксизма сыграли значимую роль в политическом формировании КНР в 1949 г., равно как капиталистические рецепты стали основанием для экономической модернизации в последней четверти XX в. Следует отметить, что решению экономических задач, начиная с 1970–1980-х гг., оказалась подчинена семейная политика в Китае. На тот период в стране доминировала традиционная модель расширенной семьи, для которой многодетность являлась одним из основных способов обеспечения, особенно в сельской местности.

Главным фактором, ставшим причиной поворота к иной модели нукlearной семьи и распространению постматериальных ценностей, стала стратегия государства, или политика навязывания снижения рождаемости. Эта стратегия имела как свои позитивные результаты, в первую очередь экономического характера, так и побочные эффекты. Последние связаны с прогрессирующей проблемой старения населения и сокращением доли трудоспособного населения, гендерными диспропорциями и серьезным падением рождаемости. Так, суммарный коэффициент рождаемости в Китае по разным данным составляет от 1,2 до 1,8 и значительно уступает оптимальному уровню воспроизводства¹. В 2018 г. не оправдались оптимистичные прогнозы китайских властей, ожидавших бэби-бума и рождения более 21 млн детей. В итоге прошлогодний показатель составил 15,23 млн новорожденных, что практически на 2 млн меньше данных 2017 и 2016 гг. (17,23 млн и 17,86 млн) и является самым низким для Поднебесной с 1961 г.², периода Великого китайского голода.

© Сивинцева О. В., 2019

¹ China Birth Rate: Mothers, Your Country Needs You! 25.12.2018. Available at: URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-china-46558562> (accessed: 12.02.2019); 未来我国人口生育率仍面临下降压力 [В будущем суммарный коэффициент рождаемости в нашей стране находится под угрозой падения]. 26.02.2019. Available at: URL: <http://www.sic.gov.cn/News/611/9902.htm> (accessed: 15.05.2019).

² Leng S. China's Birth Rate Falls Again, with 2018 Producing the Fewest Babies since 1961, Official Data Shows. 21.01.2019. Available at: URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/2182963/chinas-birth-rate-falls-again-2018-producing-fewest-babies> (accessed: 15.05.2019).

После практически 40-летнего курса на жесткие ограничительные пределы рождаемости государство меняет вектор в сторону пронатализма, который можно применить к китайской действительности только в силу исторического контекста. Новая стратегия интегрируется в национальную систему постепенно с сохранением ориентации на малодетную семью (с двумя детьми) и, несмотря на наличие общественно-политического дискурса по этому вопросу, практически не сопровождается мерами стимулирующего характера.

В связи с этим представляет научный интерес диагностирование политических идей, на которые опирается правительство Китая при формировании стратегии воспроизводства населения, а также определение роли, которую играет традиционный ценностный фактор в реализации новой репродуктивной стратегии китайских лидеров. Какое влияние на репертуар мер, помимо опоры на традиционные ценности, оказывают другие факторы институциональной среды (например, исторический контекст, экономика, социокультурные паттерны и общественные интересы)?

Методологическую основу исследования составляет неинституциональный подход, который позволяет рассмотреть институциональные условия и ситуационный контекст, оказывающие воздействие на текущее демографическое положение в Китае. Задачи, поставленные политической элитой при осуществлении пронаталистского поворота, могут быть не реализованы в силу воздействия иных факторов – исторических и социально-экономических условий, от которых зависит индивидуальный выбор китайских семей.

Теоретическая основа исследования базируется на нескольких подходах, определяющих положение семьи в том или ином государстве и отношении государства к вопросу рождаемости.

Первый из подходов, который уместно обозначить как *индивидуалистический (или либеральный)*, связан со вторым демографическим переходом в странах Запада. Он осуществлялся в идеологическом контексте *либерализма* и включал репродуктивные меры персонифицированного толка, обусловленные, прежде всего, постматериалистическими ценностями: апелляция к личному выбору каждой семьи в пользу рождения или нерождения детей, государственная поддержка вспомогательных репродуктивных технологий, стремление к гендерному равенству при воспитании детей, ограниченные и избирательные меры финансовой поддержки.

Исследования в рамках этого подхода в основном посвящены индивидуальным стратегиям семей и поиску баланса между профессиональной и семейной занятостью. Так, например, в монографии А. Г. Вишневого, несмотря на сочетание различных подходов к вопросам рождаемости, признается господство персонифицированного выбора по сравнению с влиянием государственных и общинных ценностей (Демографическая модернизация..., 2006), что характерно как для России, так и большей части мирового сообщества. Ж. В. Черновой трудовая и частная нагрузка семьи рассматривается с учетом гендерной асимметрии, в результате которой женщина становится основным субъектом выбора модели семьи и «поиска оптимального сочетания семьи и работы» (Чернова, 2012). К. Кук и К. Лумис оценивают стратегию планирования рождаемости со стороны женщины, прежде всего, с точки зрения качества медицинской инфраструктуры (Cook and Loomis, 2012).

В контексте *индивидуалистического подхода* широкую популярность получила монография Дж. Э. Виверс «Бездетные по собственному выбору», в которой анализируются причины индивидуальных установок женщин на бездетность – либо неприятие деторождения и воспитания детей, либо получение удовольствия от бездетной жизни (Veivers, 1980). Значительная часть современных российских и зарубежных авторов, О. А. Борисова (Борисова, 2016), Е. Н. Новоселова (Новоселова, 2012), И. В. Романова и О. О. Жанбаз (Романова и Жанбаз, 2014), С. М. Вильданова и соавторы (Вильданова и др., 2017), Дж. Мур и соавторы (Moore et al., 2015), К. Фили и Г. Томсон (Feely and Thomson, 2016) в продолжение этой тематики оценивают современные тенденции господства малодетного типа репродуктивного поведения и «добровольной бездетности».

В отличие от западных государств, в которых снижение рождаемости происходило на фоне индустриализации и модернизации, ставших залогом всеобщего обращения к постматериалистическим ценностям, в китайском случае распространению ценностей постматериализма способствовало навязанное снижение рождаемости. На сегодняшний день, определяя репертуар мер по повышению рождаемости, китайские лидеры опираются на такие идеологические посылки, которые можно обозначить как *традиционализм* и *государствоцентризм*.

В контексте *традиционализма* семья становится главным контролером и регулятором рождаемости при отсутствии гендерного равенства, поскольку основная обязанность женщины – рождение и воспитание детей. В центре подхода – «нормальная» семья из двух совершеннолетних родителей, состоящих в зарегистрированных брачных отношениях. Роль модификаций традиций, лежащих в основе второго демографического перехода, и ценностный сдвиг – от материальных к постматериальным ценностям анализируется И.В. Забаевым и соавторами, при этом одним из ключевых процессов признается секуляризация (Забаев и др., 2013).

Значительное количество исследователей в рамках *традиционализма* обращается к ценностным факторам, воздействующим на модель семьи и политику рождаемости в отдельных странах и регионах. М. А. Зырянова доказывает, что традиции коренных народов российского Севера являются ключевой детерминантой более высокой рождаемости по сравнению с другими территориями (Зырянова, 2018). Влияние патриархально-семейных и религиозных ценностей на эволюционные изменения семейной политики в Ирландии оценивается Д. В. Вершининой (Вершинина, 2018). Рудзари и соавторы приходят к заключению о том, что три типа социокультурных верований воздействуют на репродуктивный выбор семьи в Иране – связанные со способом рождения, медицинские и религиозные (Roudsari et al., 2015).

Особое место, которое занимают семейные традиции и ценности в Китае, а также их трансформации в условиях жесткой государственной ограничительной политики объясняют регулярное обращение экспертов к этой проблематике (Миняжев и Вэй Жончжу, 2006; Тан Фэй, 2015; Steinhauer, 2016; Hu Xiaomeng et al., 2018; Yang Xiong and He Fang, 2016; 吴小英, 2016).

Государствоцентризм направлен на контроль рождаемости со стороны государства, поэтому рождаемость поощряется вне зависимости от семейного и сексуального выбора граждан. Ранний выход женщины на работу обеспечивается за счет развития государственных институтов по уходу и присмотру за детьми. По сравнению с *индивидуализмом* и *традиционализмом* большинство исследователей обращается именно к этому подходу, поскольку на фоне массового снижения рождаемости в западных государствах или, наоборот, перенаселения в восточных и африканских странах политическая элита предпринимает усилия для регулирования этих процессов.

Вопросы стимулирования рождаемости зачастую рассматриваются экспертами на примере отдельных территорий или в мировом масштабе. Глобальный характер демографических процессов и меры, предпринимаемые отдельными странами, в рамках репродуктивных стратегий анализируются в исследованиях Д. А. Кулакова и В. П. Бусыгина (Кулаков и Бусыгин, 2015), Е. С. Соловьевой (Соловьева, 2011), П. Демени (Demeny, 2011). В свою очередь, Г. Наргунд оценивается снижение рождаемости и необходимость его государственного контроля в развитых странах (Nargund, 2009), Дж. Бонгаатсом и С. Синдингом этот вопрос рассматривается на примере развивающихся государств, наряду с развитыми, вошедшими в фазу второго демографического перехода (Bongaarts and Sinding, 2015), Л. Аллен в аналогичном контексте обращается к опыту Австралии (Allen, 2018), М. А. Быковский и соавторы – изучают мотивационные механизмы, применяемые в Великобритании (Быковский и др., 2017), Б. П. Денисов и В. И. Сакевич – на постсоветском пространстве России, Белоруссии и Украины (Денисов и Сакевич, 2011). Распределению гендерных ролей при реализации стимулирования рождаемости в России и Швеции посвящено исследование Ж. В. Кравченко и А. Мотеюнайте. Шведская модель признается более привлекательной за счет формирования механизмов «привлечения обоих родителей к заботе о детях и создания гибких условий участия женщин на рынке труда» (Кравченко и Мотеюнайте, 2008, с. 177).

Безусловно, в фокусе государствоцентристского подхода особого внимания заслуживает китайский опыт ограничения рождаемости, на котором фокусируют внимание О. В. Почагина (Почагина, 2014), Ю. А. Куприянова и А. И. Янишевская (Куприянова и Янишевская, 2017), Дай Лубинь (Дай Лубинь, 2015), Ли Шаоинь (Li, 1989), С. Доу и соавторы (Dou et al., 2018).

Кроме того, ряд экспертов обращается к отдельным механизмам, при помощи которых возможно либо повысить темпы рождаемости, либо, наоборот, приостановить рост народонаселения. Среди них аборт (Clarke and Mühlrad, 2018; Галина и др., 2012), вспомогательные репродуктивные технологии (Русанова и Гордеева, 2016; Gunnarsson-Payne and Korolczuk, 2016), меры финансовой поддержки семей (Еремина, 2018).

Исторический экскурс

Исторически с самых древних времен в Китае господствуют традиционные семейные установки, которые переносятся на модель государства. Патриархальные семейные связи с расширенной родовой структурой накладываются на отношения между императором и подчиненными.

Такой консервативный подход имеет под собой крепкую ценностную основу семейного воспитания в виде конфуцианства, которое играет немаловажную роль в формировании духовно-нравственных аспектов государственной семейной политики. В итоге в Китае на протяжении столетий формируется, по словам исследователей, «тесная связь между идеологией страны и семейным воспитанием» (Миняжев и Вэй Жончжу, 2006: 309) и, соответственно, модель семьи с большим количеством детей и строгой иерархией межпоколенческих взаимоотношений, утверждается формула «чем больше сыновей, тем больше счастья» (大字大福). Таким образом, расширенная модель китайской семьи закладывается веками и укрепляется благодаря воздействию на нее целого ряда факторов: политических в виде аналогичной патриархальной модели государственного устройства во главе с императором, экономических в качестве ведущего звена для материального обеспечения в условиях аграрного общества и, наконец, культурных, ставших весомой внутренней составляющей для обеспечения преемственности семейных традиций в Китае.

Очевидно, что разрушить формировавшуюся веками семейную модель не так просто, она не подвергается пересмотру вплоть до начала XX в. и падения имперского Китая. Этот период связан, в первую очередь, с критикой традиционной «кооперативной» модели семьи и поддержкой индивидуальной независимости со стороны таких общественных деятелей, как Чэнь Дусю, Ху Ши и прочих, дискутировавших на страницах журнала «Новая молодежь» (или «Синь Циннянь») (新青年). Впрочем, это так и осталось на уровне дискуссии, никак не затрагивает институт рождаемости и не преследует цели полного отказа от института семьи. Скорее, предполагает восприятие новых норм и ценностей в противоположность закостеневшим патриархальным традициям конфуцианства с его преданностью коллективным действиям.

Стратегия политического руководства Китая в отношении института семьи начинает трансформироваться с момента образования КНР, с середины XX в. Об этом свидетельствует принятие в 1950 г. Закона о браке, который в противовес существовавшим ранее патриархальным традициям уравнивает в правах мужчин и женщин и устанавливает свободу выбора при заключении брака. При этом институт рождаемости законодательно не регулируется, за исключением таких моментов, как уравнивание в правах детей, рожденных в браке, и внебрачных детей, а также установление обязательства родителей воспитывать детей¹. Высокие темпы рождаемости в тот период рассматривались как фактор дальнейшего успешного развития страны в послевоенный период, а рождение детей – как сугубо личное, частное дело.

Продолжительная история регулирования рождаемости начинает закладываться с 1970-х гг. путем системной политической работы правительства и интеллектуалов. Эти шаги становятся первыми предпосылками трансформации традиционного консервативного подхода в пользу государствоцентризма и поворота к регулированию репродуктивных процессов в стране. В этот период в правительственных документах прозвучали такие лозунги, как «один ребенок – вполне достаточно, двое – в самый раз, трое – слишком много» 一个不少 两个正好 三个多了², «поздно, редко, мало»(晚稀少)³. Под «поздно» понимается поздний брак (для мужчин – не раньше 25 лет, для женщин – 23 года; рождение детей – не раньше, чем в 24 года); «редко» – разница в возрасте между детьми должна быть не менее 3 лет; «мало» – не более 2 детей в семье. В то время эти мероприятия являлись одной из составляющих новой экономической стратегии Китая и провозглашенной в конце 1970-х гг. идеологической кампании «пяти хорошо», в которой наряду с призывом любить родину, успешно учиться и работать, следовать закону, весомое место занимают вопросы планирования

¹ 中华人民共和国婚姻法 [Закон КНР о браке]. 1950. Available at: URL: http://www.npc.gov.cn/npc/lfzt/rlyls/2014-10/24/content_1882723.htm (accessed: 12.10.2018).

² 关于“生孩子”的那些政策—中国人口演变“编年史” [Политика рождаемости – хроника развития демографического курса в Китае]. 09.02.2015. Available at: URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-02/09/content_2816919.htm (accessed: 12.10.2018).

³ 我国生育政策在实践中逐渐完善 [Репродуктивная политика нашей страны постепенно совершенствуется на практике]. 28.12.1971. Available at: URL: http://www.gov.cn/jrzq/2013-12/28/content_2556489.htm (accessed: 12.10.2018).

рождаемости, которые в то время, хотя и не регулируются государством авторитарными методами, но активно пропагандируются.

Начиная с 1980 г., когда «политика одного ребенка» получила нормативное закрепление, государствоцентристский подход начинает постепенно вытеснять консервативные установки, что в итоге, по словам О.В. Почагиной, формирует «иную посттрадиционную модель семьи и семейных отношений» (Почагина, 2014: 111) и в определенной степени снижает ценность последних. Государствоцентризм китайского руководства на протяжении практически 40 лет носит безапелляционно авторитарный характер и базируется на мерах негативной материальной мотивации. Размер штрафа за рождение второго ребенка определялся органами местной власти и составлял от 4 до 10 средних годовых доходов для конкретной территории и нормативно интерпретируется как «социальная компенсация», то есть средства, компенсирующие дополнительную нагрузку на бюджет, ресурсы и экологическую среду страны.

Родовой сертификат, дающий право на льготное получение медицинской помощи в зависимости от территории Китая, могут получить только те, кто планирует рождение первого или уплатил штраф за рождение последующих детей. Радикализм мер китайских властей характеризуется не только исключениями супругов из партии, увольнением с государственной службы, лишением незапланированных детей прописки и прочих социальных гарантий (в результате чего граждан без документов насчитывается около 13 млн¹), но и принудительными абортными и целыми кампаниями по стерилизации женщин (например, в 2010 г. в г. Пунин в отношении 10 тыс. чел.²). Наряду с жесткими штрафными санкциями, применяются инструменты материального поощрения однопородных семей. Как правило, они разрабатываются местными властями. Например, в большинстве регионов Китая супругам выдается «Почетное свидетельство родителей одного ребенка», которое дает право на налоговые льготы и ежемесячное пособие, выплачиваемое до исполнения ребенку 16 или 18 лет³.

В начале 1980-х гг. государство формализует эту политику, включая положения об обязанности планировать деторождение в действующую Конституцию КНР 1982 г.⁴ и Закон о браке 1980 г.⁵. Однако подробное регулирование репродуктивных процессов отдается местным властям, которые имеют право устанавливать свои правила и исключения из них для отдельных семей с учетом местных социально-экономических условий. Помимо указанных инструментов, власти Китая активно пользуются социальной рекламой: по всей стране, в том числе в Интернете, распространяются агитационные плакаты с изображениями счастливых родителей и одного ребенка, лозунгами «Планирование семьи – основа национальной политики государства», «Однодетная семья в целях содействия экономическому развитию», «Поздний брак и единственный ребенок – основа планового деторождения» и проч.

Таким образом, в историческом анамнезе Китая – политическая стратегия правительства: государство вводит жесткие меры ограничения рождаемости, сопровождаемые позитивной и негативной мотивацией, распределением социальных гарантий и социальной рекламой. Безусловно, эти меры трансформируют традиционную модель семьи в Китае, при которой, как пишет Тан Фэй, «личные интересы приносились в жертву общественным ради сплоченности семьи» (Тан Фэй, 2015: 250). Это не значит, что за счет репродуктивной политики китайского руководства удалось полностью нивелировать традиционный семейный уклад в Китае, однако демонстрирует смещение вектора от коллективистского традиционного начала к индивидуалистическому в сознании населения.

¹ 中国黑户人口超1300万公安部高层开会商议对策 [В Китае количество людей, живущих без прописки, превысило 13 млн чел. Министерство общественной безопасности обсуждает контрмеры]. 24.11.2015. Available at: URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-11/24/c_128460317.htm (accessed: 04.01.2019); China: the One Child Law is Gone, but not the Fines for Breaking It. 03.10.2016. Available at: URL: <http://www.asianews.it/news-en/China:-The-one-child-law-is-gone,-but-not-the-fines-for-breaking-it--36912.html> (accessed: 04.01.2019).

² Sterilization, Abortion, Fines: How China Brutally Enforced Its 1-Child Policy. 03.01.2016. Available at: URL: <https://nypost.com/2016/01/03/how-chinas-pregnancy-police-brutally-enforced-the-one-child-policy/> (accessed: 04.01.2019).

³ 关于“独生子女父母光荣证”18疑问的正确答案在这里 [18 правильных ответов на вопросы о «Почетном свидетельстве родителей одного ребенка»]. 25.06.2016. Available at: URL: <http://www.sc.gov.cn/10462/12771/2016/6/25/10385599.shtml> (accessed: 04.01.2019); 办理“独生子女父母光荣证” [Оформление «Почетного свидетельства родителей одного ребенка»]. 23.10.2013. Available at: URL: <http://jgfw.whu.edu.cn/info/1065/1233.htm> (accessed: 15.06.2018).

⁴ Конституция КНР [Konstitucija KNR [PRC Constitution]. 11.03.2018. Available at: URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (accessed: 12.12.2018).

⁵ 中华人民共和国婚姻法 (修正) [Закон КНР о браке (с поправками)]. 28.04.2001. Available at: URL: http://www.npc.gov.cn/npc/1fzt/rllys/2014-10/24/content_1882701.htm (accessed: 12.12.2018).

Смена парадигмы, или курс на поощрение рождаемости

Уже с 2013 г. в Китае проводится частичная либерализация репродуктивной политики: первоначально исключения коснулись только тех семей, в которых хотя бы один из родителей является единственным ребенком. В 2016 г. ограничения на рождение второго ребенка снимаются со всех жителей Китая, при этом государствоцентристская риторика продолжает доминировать. С одной стороны, эти меры вряд ли можно отнести к пронаталистским, поскольку фокус на малодетную семью (до двух детей) продолжает сохраняться. С другой – с учетом исторического контекста стратегия китайских лидеров предполагает именно пронаталистскую направленность, поощрение репродуктивного выбора граждан в пользу деторождения. При помощи нового курса стратегии воспроизводства, или даже новой парадигмы, утвердившейся в Китае с 2016 г., государство в очередной раз решает экономические задачи: в условиях сокращения темпов экономического роста руководство стремится расширить внутренний спрос среди населения, а также ликвидировать негативные последствия политики одного ребенка.

Обновленная стратегия воспроизводства пока не сопровождается стимулирующими мерами социального характера в масштабах всей страны, хотя этот вопрос неоднократно поднимался на заседаниях Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) и Народного политического консультативного совета (НПКСК) Китая. Рядом депутатов еще в 2017 г. вносились предложения о выплате субсидий при рождении второго ребенка и предоставлении льгот родителям при уплате подоходного и иных налогов¹.

Более того, в 2018 г. на первой сессии ВСНП 13-го созыва активно обсуждался демографический вопрос. Итогом стало закономерное решение о формировании нового проекта Гражданского кодекса, в котором ликвидируются все упоминания о контроле над рождаемостью. В настоящее время этот проект рассматривается Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП), его принятие планируется только в марте 2020 г.². Вполне вероятно, что будут сняты либо все ограничения рождаемости, либо расширен действующий лимит, ограничивающий семьи возможностью рождения только двух детей. Это намерение подтверждается административными изменениями — упразднением трех отделов планирования семьи Национальной комиссии здравоохранения, а также ликвидацией в названии комиссии сочетания «планирование семьи».

Консервативные ценности в репродуктивной стратегии КНР

Многолетняя реализация «политики одного ребенка» в Китае стала причиной формирования репродуктивной модели нуклеарной семьи, а не расширенной родовой структуры, как это было вплоть до середины XX в. Подобное репродуктивное поведение характеризуется исследователями как «малодетное (1–2 ребенка в семье)». С точки зрения авторов, «подобная модель поведения в китайском обществе определяется как общемировыми тенденциями, так и реалиями демографической политики властей КНР за последние 35 лет» (Куприянова и Янишевская, 2017: 58). Последнее играет доминирующую роль, в том числе за счет значительного повышения общего уровня благосостояния населения с начала экономических реформ в Китае.

Однако консервативные установки не исключаются из государственной стратегии в области воспроизводства. Как пишет Е.Н. Степанова, «партия-государство обращается к институту брака особенно в момент ослабления власти, для ее поддержания и укрепления» (Степанова, 2015: 212). И даже в периоды политической и экономической стабильности семейное воспитание занимает значительное место в государственной идеологии, в условиях авторитарного режима выступает одним из источников государственного контроля над личностью. Осознавая, что политика однодетности ослабляет семейные традиции, в последние годы в государственной риторике часто звучат такие установки, как «семейные традиции» (家风), «домашнее воспитание детей в духе

¹ 多位代表委员建议给二孩家庭发补贴 [Многие депутаты вносят предложения об оказании материальной помощи семьям с двумя детьми]. 04.03.2017. Available at: URL: http://www.xinhuanet.com/finance/2017-03/04/c_129501111.htm (accessed: 10.09.2018).

² China Signals End to Child Birth Limits by 2020 at Latest. 28.08.2018. Available at: URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-08-28/china-signals-end-to-limits-on-child-births-by-2020-at-latest> (accessed: 10.09.2018).

добродетели и благочестия» (家教), «семейные наставления» (家训), «семейная этика» (家庭美德), по-новому транслируется легенда о 24 героях древнего Китая, известных своим почтительным отношением к родителям (新二十四孝) и др. Такие установки вполне оправданны: эмпирическое исследование китайских экспертов с охватом 73 студентов из двух университетов Пекина показало, что на подсознательном уровне молодые китайцы имеют тесную связь с нравственными ценностями межличностных обязательств в рамках традиционной культуры (Hu Xiaomeng et al., 2018). Речь идет о тех социальных ролях, которые исполняет каждый из них, прежде всего в семейных отношениях, и которые закладываются конфуцианской философией на протяжении веков.

Более того, в законодательстве КНР по вопросам семьи и рождаемости традиционно-семейному фактору отводится особая роль. Недостаточная зрелость систем социального и пенсионного обеспечения компенсируется тем, что обязанность заботы о несовершеннолетних и пожилых гражданах возлагается на родственников. Такие нормы содержатся как в Законе о браке (с поправками 2001 г.)¹, так и Законе о защите прав и интересов пожилых людей (с поправками 2013 г.), последний из которых апеллирует к обязанности детей посещать родителей и выплачивать им ежемесячные пособия². Указанные нормы подтверждают мнение И. Штайнхауэр о том, что традиционная семейная структура, ценности и нормы, которые существовали на протяжении истории и все еще наблюдаются в Китае в большей степени ориентированы на такие конфуцианские догмы, как уважение, иерархия и коллективизм. Преданность конфуцианской традиции сыновней почтительности закладывает основу для контроля старшего поколения над жизнью ребенка (Steinhauer, 2016) даже во взрослом состоянии.

В свою очередь, государством эта норма используется обратным образом: изменение государственного курса в сторону двухдетной семьи в перспективе определяет базу для обеспечения социальной поддержки пожилых родителей. В особых случаях (отсутствие детей, способных содержать родителей) социальная поддержка престарелым оказывается местными городскими и сельскими комитетами. Такой общинный способ заботы в очередной раз подтверждает, что государство активно пользуется консервативными методами и апеллирует к традиционным коллективным паттернам.

Консервативная логика в Китае базируется на том, что, несмотря на изменение статуса женщины и формальное уравнивание ее в правах с мужчинами, воспитание ребенка в основном ложится на ее плечи. Однако в отличие от российского законодательства, предоставляющего длительный отпуск по уходу за ребенком, женщины в Китае могут рассчитывать на его продолжительность от 90 до 128 дней в зависимости от региона проживания. В последние годы в китайских СМИ неоднократно дискутировался вопрос о возможности предоставления отпуска по уходу за ребенком мужчинам: наряду с женщинами они могут получить такой отпуск на срок от 10 до 15 дней (в провинции Цзянсу в 2017 г. увеличен до 30 дней³). Однако эта мера не уравнивает в правах на воспитание отцов и матерей, оставляя за женщиной роль «первого родителя».

Таким образом, китайский государствоцентризм необходим политической элите для регулирования репродуктивных процессов в стране. При этом государствоцентристское наполнение репродуктивной политики сопровождается традиционалистскими обоснованиями, что само по себе противоречит индивидуалистическим ценностям, сопровождающим низкую рождаемость.

Институциональные условия

Так называемая *path dependence* («историческая колея») и социокультурные паттерны прошлого сформировали зрелое поколение китайцев, которые никогда не идентифицировали себя как часть расширенной (многодетной семьи). Кроме того, воспитание этого поколения сопровождалось бурным экономическим ростом, индустриализацией и урбанизацией в Китае, что в результате спродуцировало иной образ человека, ориентированного одновременно на постматериалистические и материалистические ценности.

¹ 中华人民共和国婚姻法 (修正) [Закон КНР о браке (с поправками)]. 28.04.2001. Available at: URL: http://www.npc.gov.cn/npc/flzt/rlyls/2014-10/24/content_1882701.htm (accessed: 12.12.2018).

² 中华人民共和国老年人权益保障法 [Закон КНР о защите прав и интересов пожилых людей]. 28.12.2012. Available at: URL: http://www.gov.cn/flfg/2012-12/28/content_2305570.htm (accessed: 12.12.2018).

³ Jiangsu Fathers Get Extra Paternity Leave. 05.07.2017. Available at: URL: http://www.chinadaily.com.cn/newsrepublic/2017-07/05/content_30008834.htm (accessed: 10.09.2018).

Закономерности в семейной политике и социально-экономической сфере подчеркиваются экспертами. Так, с точки зрения Т. Р. Миняжева и Вэй Жочжу, «замедление роста китайской экономики привело к тому, что в октябре 2015 г. правительство КНР провозгласило окончание политики «один ребенок в семье» ... но за прошедшие тридцать лет уже сложилась социальная норма – иметь только одного ребенка» (Миняжев и Вэй Жочжу, 2016: 304). Другие китайские эксперты, Ян Сюн и Хэ Фан, подчеркивают особую роль в текущих демографических процессах так называемых «субмоно-детей», или «второго поколения политики «одного ребенка», которые в отличие от первого поколения, столкнувшегося с драматическим переходом от плановой к рыночной экономике, выросли в благоприятной среде политической стабильности, стремления к высоким образовательным стандартам, информационной и культурной открытости, экономических достижений (Yang Xiong and He Fang, 2016: 429–430).

Эта устоявшаяся социальная норма, а также экономические институциональные условия препятствуют реализации новой репродуктивной стратегии китайского руководства. Среди последних следует обозначить высокие затраты на рождение и воспитание ребенка, отсутствие весомых социальных гарантий, связанных с предоставлением длительных отпусков по уходу за детьми, устойчивой системы социальной помощи и поддержки. Например, в китайских средствах массовой информации затраты на ребенка, включая получение образования, в среднем по Китаю оцениваются в пределах от 500 тыс. до 1,3 млн юаней, что не позволяет 70 % населения задумываться о рождении второго ребенка (по данным сетевого опроса 85 тыс. китайцев). При этом указывается, что это лишь минимальные стандарты, которые предполагают обеспечение всем жизненно необходимым¹. В свою очередь, в так называемых городах «первой линии» 一线城市 (самых развитых и крупных) эти расходы могут достигать 2 млн юаней, а в Пекине, Шанхае, Шэньчжэне и Гуаньчжоу – превышать указанную сумму.

Даже затраты на рождение ребенка, не говоря о его воспитании, ложатся тяжелой финансовой нагрузкой на большинство семей. Как правило, они составляют от 25 тыс. до 320 тыс. юаней². Учитывая, что по данным официальной статистики, среднедушевые доходы в Китае не достигают 26 тыс. юаней, а в наиболее развитых восточных регионах страны немного превышают 33 тыс. юаней³, расходы на содержание ребенка становятся серьезной преградой даже для тех, кто готов сделать выбор в пользу расширения семьи.

Эти проблемы усугубляются жилищным вопросом и, хотя с начала экономических реформ показатели обеспеченности жильем на душу населения выросли в десятки раз (с 3,6 кв. м в 1978 г. до 40,8 кв. м в 2018 г.⁴, для сравнения в России этот показатель составляет немного более 20 кв. м на человека), для многих китайцев покупка жилья и улучшение жилищных условий являются непреодолимой проблемой. Прекращение практики государственного распределения жилья в конце 1990-х гг. сопровождалось резким ростом цен и, соответственно, ограничением доступности жилищного сектора для значительной части китайских семей. Так, средняя цена за 1 кв. м жилплощади в Пекине в составляет 37,8 тыс. юаней, Шанхае – 46,5 тыс. юаней, Шэньчжэне – 54,4 тыс. юаней, Гуаньчжоу – 19,7 тыс. юаней⁵ (для сравнения в Москве и Санкт-Петербурге – от 15 до 20 тыс. юаней).

Помимо указанных экономических факторов, крайне непродолжительный отпуск по уходу за ребенком (в большинстве территорий не более 3–4 месяцев) также не способствует решению демографических проблем. В таких условиях, по оценкам У Сяоина, «семья становится инструментом обслуживания, партнером, средством разделения рисков. В итоге зачастую тенденции прошлого смещаются в сторону не помощи детей родителям, а наоборот» (吴小英, 2016). В связи с этим частым явлением в жизни китайской семьи становится воспитание ребенка не родителями, а старшим поколением.

¹ 中国养娃成本：至少花费50万—130万[Затраты на содержание ребенка потребуют по крайней мере от 500 тыс. до 1,3 млн. юаней]. 01.01.2016. Available at: URL: <https://news.mydrivers.com/1/464/464173.htm> (accessed: 10.03.2019).

² 生育成本到底有多高—一线城市养大一个娃要花200万？[Расходы на рождение и воспитание ребенка в городах «первой линии» намного выше и потребуют 2 млн. юаней?]. 18.08.2018. Available at: URL: <http://finance.sina.com.cn/china/gncj/2018-08-18/doc-ihhvciiix2670878.shtml> (accessed: 10.03.2019).

³ China Statistical Yearbook 2018 [Статистический ежегодник Китая 2018]. Available at: URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2018/indexeh.htm> (accessed: 25.05.2019).

⁴ 中国住房“蜗居”到“适居”华丽转身[Жилье в Китае: от скромных условий до соответствующих стандартов]. 12.12.2018. Available at: URL: http://www.xinhuanet.com/fortune/2018-12/12/c_1123839239.htm (accessed: 25.05.2019).

⁵ China's Housing Market Is Cooling. 04.04.2018. Available at: URL: <https://www.globalpropertyguide.com/Asia/China/Price-History> (accessed: 18.04.2019).

Тем не менее, пронаталистский курс в Китае сопровождается не только расширением квоты до двух детей и присутствием в риторике китайских лидеров традиционного начала, но и реальными мерами, способствующими созданию благоприятных институциональных условий в отдельных провинциях.

Так, например в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, предусмотрены выплаты на рождение второго ребенка в размере 500 юаней при естественных родах и с повышением в двукратном размере, если роды проходили путем кесарева сечения. Кроме того, местные органы власти гарантируют обеспечение молочными продуктами для таких семей до достижения ребенком 3-летнего возраста. В городском округе Сяньнин провинции Хубэй, согласно экспертным оценкам об ускорении реализации комплекса мер политики «одна семья – два ребенка», планируется увеличение отпуска по уходу за ребенком до полугода, включая наличие супружеского отпуска продолжительностью 1 месяц и покрытие медицинских расходов на рождение второго ребенка. Также таким семьям предоставляются приоритетные права при покупке доступного жилья в провинции. Меры материального стимулирования, а также льготного медицинского обеспечения вводятся и в некоторых других территориях Китая (провинциях Ляонин и Шэньси, городском округе Ичане провинции Хубэй, городе центрального подчинения Тяньцзине). Более того, в китайских массмедиа сообщается, что некоторые территории уже в ближайшее время снимут ограничения на рождение третьего ребенка¹. Подобные меры пока реализуются «точечно» и не аккумулированы в зрелую систему социально-экономических гарантий для китайского населения. Однако факт включения подобных акций в официальные документы местных органов власти уже свидетельствует о реальных перспективах производства такой системы.

Важно заметить, что тема рождаемости на сегодняшний день является одной из наиболее обсуждаемых в Китае. В национальных средствах массовой информации часто публикуются экспертные мнения разного характера. Профессор Института управления Пекинского университета Лян Цзяньчжан заявляет о том, что основной причиной низкой рождаемости является слишком высокий уровень затрат на рождение и воспитание ребенка, в связи с чем политика государства в этой сфере должна быть направлена на смягчение таких расходов. Директор Исследовательского центра развития при Госсовете КНР Чжай Чжэнью, напротив, указывает на то, что в мерах материального стимулирования нет никакой необходимости, тогда как результат может дать абсолютная ликвидация каких бы то ни было ограничений при рождении детей².

Несмотря на предпринимаемые меры социально-экономического характера, решению демографических проблем в Китае благоприятствует только один фактор, политическая воля руководства. Думается, что ему вполне по силам устранить лимит на рождаемость в масштабах всей страны, однако центральное правительство не торопится с подобными действиями.

Государствоцентризм, за счет которого удалось ограничить высокие темпы рождаемости, позволил решить основную задачу формирования условий для быстрого экономического роста, а также повысить качество жизни населения и смягчить проблемы дефицита ресурсов. Как пишет Дай Лунбинь, в дальнейшем необходимо «совершенствование механизма реализации политики планового деторождения, превращения ее из узконаправленной демографической в универсальную социально-экономическую политику» (Дай Лунбинь, 2015: 15). Аналогичный беспрецедентный механизм уже продуцировался китайской элитой в 1980-е гг. и стал залогом обеспечения так называемого «экономического чуда» и выхода на первые позиции в мировом масштабе.

В настоящее время за счет опоры на консервативные семейные ценности политическая элита пытается компенсировать непопулярность радикальных мер ограничения рождаемости и обеспечить фору для устойчивости действующей политической системы. Несмотря на ослабление патриархальных устоев, семья, по мнению китайских исследователей, продолжает оставаться единицей нефор-

¹ 多地政策鼓励生育二孩及以上产妇产假可延长至6个月 [Во многих территориях политика стимулирования рождения второго ребенка предполагает увеличение отпуска по уходу за ребенком до 6 месяцев]. 11.08.2018. Available at: URL: <http://finance.sina.com.cn/china/2018-08-11/doc-ihhqtaww7917440.shtml> (accessed: 18.04.2019); 明年全面放开生育政策? 山西人, 你还准备生吗? [В следующем году ожидается либерализация политики рождаемости? Жители Шэньси, вы все еще собираетесь рожать?]. 23.08.2018. Available at: URL: http://www.sohu.com/a/249533060_395115 (accessed: 18.04.2019).

² 多地政策鼓励生育二孩及以上产妇产假可延长至6个月... [Во многих территориях политика стимулирования рождения второго ребенка...]

мальной экономики и рационального выбора. В таких условиях государству в ближайшей перспективе необходимо «скорректировать роль семьи как формы социального управления и создать для нее благоприятные социально-экономические условия» (У Сяоин, 2016). Организация зрелой системы социального и пенсионного обеспечения способна оказать серьезное давление на бюджет страны и потребует времени, поэтому сохранение альтернативы в виде семейной поддержки для Китая необходимо.

В этой связи интересно, что широкий общественный резонанс и даже мировую популярность получила заметка в официальном печатном издании ЦК КПК «Жэньминь Жибао» под названием «Рождение детей – не только личное дело семьи, но и дело государственной важности». В публикации обращается внимание не только на осознанный семейный выбор при рождении ребенка, но и необходимость создания институциональных механизмов, благоприятствующих такому выбору³. Материал имеет явную пропагандистскую направленность и ориентирован как на китайские семьи, так и государство в лице местных органов власти, которым предоставляется относительная свобода действий в выборе методов поощрения рождаемости.

***

После практически 40-летней ограничительной стратегии китайская политическая элита осуществляет полную смену парадигмы в вопросах деторождения. Изменения инициируются постепенно: по итогам трехлетней реализации пронаталистского курса применяются разрешительные меры на рождение второго ребенка и единичные акции стимулирующего характера в отдельных провинциях на фоне проактивной апелляции политической элиты к традиционным ценностям.

С помощью этих действий руководство решает не только задачи преодоления последствий второго демографического перехода, но и свои собственные по удержанию власти. К тому же, китайским лидерам приходится считаться с либеральными установками граждан, то есть с личными интересами населения, которое принимает окончательное решение по вопросам деторождения. Несмотря на то, что в Китае традиционно сильны коллективные настроения, рыночная экономика, индустриализация и урбанизация привели к обособлению индивидуумов, конкуренции между ними и мотивации при выборе жизненных сценариев на материальной основе, а не на духовно-нравственной.

Ситуация усугубляется тем, что «новая политика» рождаемости в силу неблагоприятного исторического паттерна не способна дать ощутимых результатов в обозримой перспективе. К тому же, социально-экономические условия в Китае не благоприятствуют выбору родителей в пользу расширения семейного состава. Иными словами, рождение и воспитание детей в Китае – очень «дорогое удовольствие».

С учетом этих факторов опора китайского руководства на традиционные семейные ценности совместно с разрешительными мерами на рождение второго ребенка вряд ли станет панацеей при решении насущных демографических проблем. Собственно, это осознается и активно обсуждается китайской политической элитой как на высшем уровне, так и в территориях. Констатируем, что в сложившихся условиях только зрелый комплекс мер институционального характера способен дать позитивный результат. Кроме того, это возможно только в отдаленной перспективе, поскольку потребуются десятилетия на формирование новой реальности, устойчивой семейной модели с двумя-тремя детьми.

---

³ 张一琪. 生娃是家事也是国事 [Чжан Ици. Рождение детей – не только личное дело семьи, но и дело государственной важности]. 06.08.2018. Available at: URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2018/0806/c1001-30210179.html> (accessed: 25.04.2019).

Библиографический список

- Борисова, О. А. (2016) 'Репродуктивная модель добровольной бездетности', *Вестник Удмуртского ун-та. Серия Философия. Психология. Педагогика*, Т. 26, 3, сс. 22–25. [Borisova, O. A. (2016) 'The Reproductive Model of Voluntary Childlessness' [Reproduktivnaya model' dobrovol'noi bezdetnosti], *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, Vol. 26, 3, pp. 22–25. (In Russ.)].
- Быковский, М. А., Быковская, Е. Н., Харчилава, Г. П., Королева, Н. Ш. (2017) 'Регулирование уровня рождаемости как государственная задача (на примере Соединенного Королевства)', *Современные фундаментальные и прикладные исследования*, 4–2 (27), сс. 31–34. [Bykovskii, M. A., Bykovskaya, E. N., Kharchilava, G. P., Koroleva, N. Sh. (2017) 'Regulation of the Number of Birth as a Governmental Issue (Based on the Example of the United Kingdom)' [Regulirovanie urovnya rozhdaemosti kak gosudarstvennaya zadacha (na primere Soedinennogo Korolevstva)], *Modern Fundamental and Applied Researches*, 4–2 (27), pp. 31–34. (In Russ.)].
- Вершинина, Д. Б. (2018) 'Семья в фокусе общественно-политических дебатов в современной Ирландии', *Вестник Прикамского социального института*, 3 (81), сс. 127–134. [Verшинina, D. B. (2018) 'Family in Social and Political Debates in Contemporary Ireland' [Sem'ya v fokuse obshchestvenno-politicheskikh debатов v sovremennoi Irlandii], *Bulletin of Prikamsky Social Institute*, 3 (81), pp. 127–134. (In Russ.)].
- Вильданова, С. М., Граничная, А. А., Мингалиева, А. Р., Саляхиева, Л. М. (2017) 'Тенденции распространения чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи', *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3 (139), сс. 192–205. DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.13. [Vil'danova, S. M., Granichnaya, A. A., Mingalieva, A. R., Salyakhiyeva, L. M. (2017) 'A Tendency towards Childfree Lifestyle in Russia and Its Influence on the Crisis of the Institution of Family' [Tendentsii rasprostraneniya chaildfri v Rossii i ikh vliyanie na krizis instituta sem'i], *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3 (139), pp. 192–205, DOI: 10.14515/monitoring.2017.3.13. (In Russ.)].
- Вишневецкий, А. Г. (ред.) (2006) Демографическая модернизация России 1900–2000. Москва: Новое издательство, 608 с. [Vishnevskii, A. G. (ed.) (2006) Russia's Demographic Modernization 1900–2000 [Demograficheskaya modernizatsiya Rossii 1900–2000]. Moscow: Novoe Izdatel'stvo Publ., 608 p. (In Russ.)].
- Галина, Т. В., Митковская, Е. В., Опарин, И. С. (2012) 'Аборт как метод регулирования рождаемости', *Общественное здоровье и здравоохранение*, 2, сс. 7–9. [Galina, T. V., Mitkovskaya, E. V., Oparin, I. S. (2012) 'Abortion as a Method of Regulation of Birth Rate', [Abort kak metod regulirovaniya rozhdaemosti], *Public Health and Health Care*, 2, pp. 7–9. (In Russ.)].
- Дай Лунбинь (2015) 'О плюсах и минусах политики планового деторождения в Китае' в: Скворцова, Н. Г., Петрова, А. В., Сюй Сянмэй, Чжоу Хунъюнь (ред.), Демографические изменения и семейная политика в России и Китае: Сборник статей. Санкт-Петербург: Астерион, сс. 7–15. [Dai Longbin (2015) 'On Advantages and Disadvantages of Birth Control Policy in China' [O plusakh i minusakh politiki planovogo detorozhdeniya v Kitae] in: Skvortsova, N. G., Petrova, A. V., Xu Xiangmei, Zhou Hongyun (eds.) Demographic Changes and Family Policy in Russia and China: Collected Papers [Demograficheskie izmeneniya i semeinaya politika v Rossii i Kitae: Sbornik statei]. St. Petersburg: Asterion Publ., pp. 7–15. (In Russ.)].
- Денисов, Б. П., Сакевич, В. И. (2011) 'Внутри-семейное регулирование рождаемости в Белоруссии, России и Украине в постсоветский период', *Экономический журнал Высшей школы экономики*, Т. 15, 4, сс. 543–564. [Denisov, B. P., Sakevich, W. I. (2011) 'Birth Control in Byelorussia, Russia, and Ukraine in Post-soviet Period' [Vnutri-semejnoe regulirovanie rozhdaemosti v Belorussii, Rossii i Ukraine v postsovetskij period], *The Higher School of Economics Economic Journal*, Vol. 15, 4, pp. 543–564 (In Russ.)].
- Еремина, О. Ю. (2018) 'Правовое регулирование материнского капитала: практика применения и перспектива развития', *Журнал российского права*, 5 (257), сс. 125–138. DOI: 10.12737/art_2018_5_12. [Eremina, O. Yu. (2018) 'Legal Regulation of Maternity Capital: Practice and Develop-

- ment Prospects' [Pravovoe regulirivanie materinskogo kapitala: praktika primeneniya i perspektiva razsvitiya], *Journal of Russian Law*, 5 (257), pp. 125–138. (In Russ.).
- Забаяев, И. В., Мелкумян, Е. Б., Орешина, Д. А., Павлюткин, И. В., Пруцкова, Е. В. (2013) 'Влияние религиозной социализации и принадлежности к общине на рождаемость. Постановка проблемы', *Демоскоп Weekly*, 553–554. [Zabaev, I. V., Melkumyan, E. B., Oreshina, D. A., Pavlyutkin, I. V., Prutskova, E. V. (2013) 'The Influence of Religious Socialization and Affiliation to Community on Birth Rate. Problem Statement' [Vliyanie religioznoi sotsializatsii i prinaldlezhnosti k obshchine na rozhdaiemost']. Postanovka problemy], *Demoskop Weekly*, pp. 553–554. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0553/analit03.php> (Accessed: 17 April 2019). (In Russ.).
- Зырянова, М. А. (2018) 'Детерминанты рождаемости в северных регионах России: результаты Всероссийских переписей населения', *Регионология*, Т. 26, 2, сс. 358–383. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.358-383. [Zyryanova, M. A. (2018) 'Determinants of Birth Rate in the Northern Regions of Russia: Results of the All-Russian Population Censuses' [Determinanty rozhdaiemosti v severnykh regionakh Rossii: rezul'taty Vserossiiskikh perepisei naseleniya], *Regionology*, Vol. 26, 2, pp. 358–383. (In Russ.).
- Кравченко, Ж. В., Мотiejунaйте, А. (2008) 'Женщины и мужчины на работе и дома: гендерное разделение труда в России и Швеции', *Журнал исследований социальной политики*, Т. 6, 2, сс. 177–200. [Kravchenko, Zh. V., Motiejunaite, A. (2008) 'Women and Men in Employment and at Home: Gendered Work Patterns in Russia and Sweden' [Zhenshchiny i Muzhchiny na rabote i doma: gendernoe razdelenie truda v Rossii i Shvetsii], *The Journal of Social Policy Studies*, Vol. 6, 2, pp. 177–200. (In Russ.).
- Кулаков, Д. А., Бусыгин, В. П. (2015) 'Меры по стимулированию рождаемости: сравнительный анализ', *Финансы и бизнес*, 2, сс. 57–69. [Kulakov, D. A., Busygin, V. P. (2015) 'Measures to Stimulate Fertility: a Comparative Analysis' [Meryu po stimulirovaniyu rozhdaiemosti: sravnitel'nyi analiz], *Finance and Business*, 2, pp. 57–69. (In Russ.).
- Куприянова, Ю. А., Янишевская, А. И. (2017) 'Новая демографическая политика в Китае: «одна семья – два ребенка»', *Демографическое обозрение*, Т. 4, 2, сс. 53–64. [Kupriyanova, Yu. A., Yanishevskaya, A. I. (2017) 'New Population Policy in China: "One Family – Two Children"' [Novaya demograficheskaya politika v Kitae: "odna sem'ya – dva rebenka"], *Demographic Review*, Vol. 4, 2, pp. 53–64. (In Russ.).
- Миняжев, Т. Р., Вэй Жончжу (2016) 'Социологическая оценка изменений в развитии института семьи в КНР как объекта семейной политики', *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, Т. 16, 2, сс. 304–311. [Minyazhev, T. R., Wei Ruozhu (2016) 'Sociological Assessment of the Changes in the Development of Family Institution in China as an Object of State Policy' [Sotsiologicheskaya otsenka izmenenii v razvitii instituta sem'i v KNR kak ob'ekta semeinoi politiki], *RUDN Journal of Sociology*, Vol. 16, 2, pp. 304–311. (In Russ.).
- Новоселова, Е. Н. (2012) 'Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России', *Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология*, 1, сс. 99–110. [Novoselova, E. N. (2012) 'Childfree as a Threat to the Demographic Security of Russia' [Dobrovol'naya bezdetnost' kak ugroza demograficheskoi bezopasnosti Rossii], *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 1, pp. 99–110. (In Russ.).
- Почагина, О. В. (2014) 'Корректировка политики «одна семья – один ребенок»', в: Титаренко, М. Л. (ред.), *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура*. Москва: Форум, сс. 104–113. [Pochagina, O. V. (2014) 'One-child Policy Revision' [Korrektirovka politiki "odna sem'ya – odin rebenok"] in: Titarenko, M. L. (ed.) *People's Republic of China: Politics, Economy, Culture* [Kitaiskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura]. Moscow: Forum Publ., pp. 104–113. (In Russ.).
- Романова, И. В., Жанбаз, О. О. (2014) 'Чайлдфри в контексте трансформации семейных отношений', *Вестник Забайкальского гос. ун-та*, 12 (115), сс. 89–97. [Romanova, I. V., Zhanbaz, O. O. (2014) 'Childfree in the context of Family Relations' Transformation' [Chaildfri v kontekste transformatsii semeinykh otnoshenii], *Transbaikal*

- State University Journal*, 12 (115), pp. 89–97. (In Russ.).
- Русанова, Н. Е., Гордеева, В. Л. (2016) 'Вспомогательные репродуктивные технологии: потребности и регулирование при низкой рождаемости', *Народонаселение*, 3 (73), сс. 34–46. [Rusanova, N. E., Gordееva, V. L. (2016) 'Assisted Reproductive Technologies: Requirement and Regulation at a Low Birth Rate' [Vspomogatel'nye reproductivnye tekhnologii: potrebnosti i regulirovanie pri nizkoi rozhdaemosti], *Population*, 3 (73), p. 34–46. (In Russ.).]
- Соловьева, Е. С. (2011) 'Регулирование рождаемости как проблема мировой политики', *Известия Алтайского гос. ун-та*, 4–1 (72), сс. 269–272. [Solov'eva, E. S. (2011) 'Birth Control as an Issue of the World Politics' [Regulirovanie rozhdaemosti kak problema mirovoi politiki], *Izvestiya of Altai State University*, 4–1 (72), pp. 269–272. (In Russ.).]
- Степанова, Е. Н. (2015) 'Гендерный вопрос на фоне социально-политической ситуации в Китае (в советской и российской историографии)', в: Мамаева, Н. Л., Сотникова, И. Н. (ред.), *Отечественная историография КНР: некоторые направления. Серия: Китай: история и современность*. Москва: ИДВ РАН, сс. 199–220. [Stepanova, E. N. (2015) 'Gender Item in the Context of Social-Political Situation in China (in Soviet and Russian Historiography)' [Gendernyi vopros na fone sotsial'no-politicheskoi situatsii v Kitae (v sovetskoi i rossiiskoi istoriografii)] in: Mamaeva, N. L., Sotnikova, I. N. (eds.) *PRC Native Historiography: Certain Directions. Series: China: History and Modernity* [Otechestvennaya istoriografiya KNR: nekotorye napravleniya. Seriya: Kitai: istoriya i sovremennost']. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., pp. 199–220. (In Russ.).]
- Тан Фэй (2015) 'Психологические особенности взаимодействия между поколениями в Китае на примере семейных отношений', *Мир науки, культуры, образования*, 5 (54), сс. 249–252. [Tang Fei (2015) 'Psychological Features of Interaction between Generations in China: Case Study of Family Relations' [Psikhologicheskie osobennosti vzaimodeistviya mezhdru pokoleniyami v Kitae na primere semeinykh otnoshenii], *The World of Science, Culture and Education*, 5 (54), pp. 249–252. (In Russ.).]
- Чернова, Ж. В. (2012) 'Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей', *Журнал исследований социальной политики*, Т. 10, 3, сс. 295–308. [Chernova, Zh. V. (2012) 'The Work-Family Balance: Policy and Individual Mothers' Strategies' [Balans sem'i i raboty: politika i individual'nye strategii materei], *The Journal of Social Policy Studies*, Vol. 10, 3, pp. 295–308. (In Russ.).]
- Allen, L. A. (2018) 'Whole-of-Government Approach to Population Policy for Australia', *Australian Population Studies*, Vol. 2, 2, pp. 22–32.
- Bongaarts, J., Sinding, S. (2011) 'Population Policy in the Developing World', *Science*, Vol. 333, 6042, pp. 574–576, DOI: 10.1126/science.1207558.
- Clarke, D., Mühlrad, H. (2018) Abortion Laws and Women's Health [online]. Available at: <http://ftp.iza.org/dp11890.pdf> (Accessed: 12 April 2019).
- Cook, K., Loomis, C. (2012) 'The Impact of Choice and Control on Women's Childbirth Experiences', *The Journal of Perinatal Education*, 21 (3), pp. 158–168, DOI: 10.1891/1058-1243.21.3.158.
- Demeny, P. (2011) 'Population Policy and the Demographic Transition: Performance, Prospects, and Options' in: Demeny, P., McNicoll, G. (eds.) *Demographic Transition and Its Consequences*. New York: Blackwell Publishing, pp. 249–274.
- Dou, X., Arellano, B., Roca, J. (2018) 'China's Population Policies: Past, Present and Future', *Architecture, City and Environment*, 12 (36), pp. 201–218, DOI: 10.5821/ace.12.36.5413.
- Gunnarsson-Payne, J., Korolczuk, E. (2016) 'Reproducing Politics: The Politicisation of Patients' Identities and Assisted Reproduction in Poland and Sweden', *Sociology of Health & Illness*, Vol. 38, 7, pp. 1074–1091, DOI: 10.1111/1467-9566.12433.
- Feeley, C., Thomson, G. (2016) 'Why do Some Women Choose to Freebirth in the UK? An Interpretative Phenomenological Study', *BMC Pregnancy Childbirth*, 16 (59) [online]. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4802706/> (Accessed: 15 May 2019), DOI: 10.1186/s12884-016-0847-6.
- Hu Xiaomeng, Chen S. Xiaohua, Zhang Li, Yu Feng, Peng Kaiping, Liu Li (2018) 'Do Chinese Traditional and Modern Cultures Affect Young Adults' Moral Priorities?', *Frontiers*

- in Psychology*, Vol. 9. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6232185/> (Accessed: 10 April 2019), DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01799.
- Li Shaomin (1989) 'China's Population Policy: A Model of a Constant Stream of Birth', *Population Research and Policy Review*, Vol. 8, 3, pp. 279–300, DOI: 10.1007/BF00125405.
- Moore, J., Kienzle, J., Flood Grady, E. (2015) 'Discursive Struggles of Tradition and Nontradition in the Retrospective Accounts of Married Couples Who Cohabitated before Engagement', *Journal of Family Communication*, 15 (2), pp. 95–112.
- Nargund, G. (2009) 'Declining Birth Rate in Developed Countries: A Radical Policy Re-think Is Required', *Facts, Views & Visions in Obstetrics*, 1 (3), pp. 191–193.
- Roudsari, R. L., Zakerihamidi, M., Khoei, E. M. (2015) 'Socio-Cultural Beliefs, Values and Traditions Regarding Women's Preferred Mode of Birth in the North Iran', *International Journal Community Based Nurs Midwifery*, 3 (3), pp. 165–176.
- Steinhauer, I. Sex and Sexual Education in China: Traditional Values and Social Implications. Independent Study Project. Brattleboro: SIT Graduate Institute, US, 2016 [online]. Available at: https://digitalcollections.sit.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=3332&context=isp_collection (Accessed: 25 April 2019).
- Veevers, J. E. (1980) *Childless by Choice*. Toronto: Butterworth. 220 p.
- Yang Xiong, He Fang (2016) 'Growth Conditions, Social Risks and Coping Strategies of 'Sub-Mono-Children'', *Социологический альманах [Sotsiologicheskii Al'manakh]*, 7, pp. 428–441.
- 吴小英 (2016) “去家庭化”还是“家庭化”：家庭论证背后的“政治正确” [Wu Xiaoying (2016) Leave Family Health” or “Preserve Family Health”: the Discussion Free of Political Correctitude [online]. Available at: http://www.cssn.cn/shx/201612/t20161221_3353516_2.shtml (Accessed: 10 September 2018) (In Chinese)].

Информация об авторе

Сивинцева Ольга Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: sivenc8@gmail.com (ORCID: 0000-0002-2490-5715. ResearcherID: N-3283-2017).

Статья принята к печати: 15.06.2019

PRONATALIST TURN IN CHINA: A RETURN TO TRADITIONAL FAMILY VALUES OR A NEW REALITY?

O. V. Sivintseva
Perm State University

Abstract

The research deals with the main past and present tendencies of the reproductive policy in China in the context of three approaches: state-centric, traditionalist, and individualistic (liberal). The author assesses the ideas applied by the political elites of China in the new pronatalist course, as well as socio-economic, historical and traditional factors affecting the reproductive choice of a Chinese family. The research findings demonstrate the supremacy of the state-centric approach during the last four decades, with the penetration of traditionalist features in recent years. Following the state-centric strategy, China's political elites remove constraints on the second child's birth and sometimes apply stimulus measures in certain territories. These steps go along with the intense state-sponsored propaganda of traditional family values. Implementation of the ideas of China's leaders are complicated by the negative socio-economic institutional context and stable historical patterns of a single-child family. In the coming years, the efforts of the local elites are likely to be aimed at creating institutional conditions for childbearing and upbringing children in China.

Keywords: reproductive policy; pronatalism; state-centrism; traditionalism; model of the nuclear family; institutional conditions; historical patterns.